

УДК 1

А. И. Смолик*

**Смолик Александр Иванович, доктор культурологии, профессор
Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Республика Беларусь*

kafkult@tut.by

ЗАПАДНОРУСИЗМ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ЕДИНОГО БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

A. I. Smolik

WEST RUSSICISM AS BACKBONE FACTOR OF UNIFORM BELARUSIAN-RUSSIAN INFORMATION SPACE

Ключевые слова: западнорусизм, славянофильство, культура, информационное пространство.

Рассматриваются основные положения одной из первых концепций отечественной фундаментальной культурологии конца XIX – начала XX в. западноруссизма. Анализируются взгляды представителей российской и белорусской культурологической мысли о сущности, содержании, специфических особенностях и общих чертах культуры русского и белорусского народов. Прослеживаются подходы западноруссистов к проблеме путей развития восточнославянской культуры, взаимодействий между русским, белорусским и украинским языками.

Проблема, обсуждаемая на конференции, сверхактуальная для субъектов не только белорусской и российской культуры, но и всех наших соседей по СНГ. Беларусь и Россия формируют единое союзное государство, успешно функционирует западно-восточное экономическое пространство Беларусь – Россия – Казахстан. Украина также не против присоединиться к Таможенному союзу. В рамках единого политического и экономического пространства формируется постепенно единое информационное поле. В этих условиях опыт формирования культурного диалога Восток – Запад на прежних исторических этапах сегодня актуализируется необычайно.

На всех переломных этапах культурогенеза проблема взаимоотношений Востока и Запада была камнем преткновения государственных и общественно-политических институтов. В X ст. перед

восточнославянской сообщностью стояла дилемма присоединения к восточной (византийской) или западной (римской) христианской конфессии. В XVI в. накануне Брестской унии (1596 г.) велась продолжительная острая борьба между сторонниками православия и католицизма по вопросу создания единой греко-католической церкви. Как известно верх одержали представители единого культурного пространства и была создана униатская конфессия.

В 1-й половине XIX в. в России сформировались общественно-политические течения западничества и славянофильства. После расширения западных рубежей империи информационные потоки западников беспрепятственно шли в столичные центры через белорусские и литовские земли, поскольку они соответствовали данному информационному уровню, но воспринимались основной частью населения центральной России как чужеродные. В России родоначальником западничества был П. Я. Чаадаев, изложивший в «Философических письмах» свой взгляд на судьбу России, на противоречия между католицизмом и православием в христианской культуре [5], что являлось значимой социокультурной и исторической проблемой, в первую очередь, для униатского, католического и православного населения Северо-Западного края. Философ-культуролог С. Н. Иконникова, прослеживая развитие проблематики «Восток – Запад» от философско-исторического анализа Г. В. Ф. Гегеля до евразийского движения деятелей русского зарубежья 1920-х гг. (Н. С. Трубецкого, Л. Карсавина, Г. Флоровского, П. Савицкого, Д. Святополк-Мирского и других), отметила, что идеи П. Я. Чаадаева «оказали значительное влияние как на западников, так и на славянофилов при обсуждении перспектив развития российской и славянской цивилизации» [5 с. 132]. Идеи западников – представителей либерализма и буржуазного пути развития были изложены также в трудах К. Д. Кавелина, Т. Н. Грановского, В. П. Боткина, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, С. С. Уварова и других теоретиков. Русский философ В. С. Соловьев охарактеризовал западников и западничество как «направление нашей общественной мысли и литературы, [3, с. 243]. Основной вопрос, по которому разошлись мнения русских мыслителей, затрагивал дальнейший путь развития России: западноевропейский или самобытный славянский.

К славянофилам, выступившим за свободомыслие в рамках самодержавия и провозгласившим идею славянского единства на ос-

нове православия, относились А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, Н. Я. Данилевский и др. Противостояние западников и славянофилов в российском информационном пространстве непосредственно связано с культурологической проблематикой архетипов мировой культуры «Запад» и «Восток».

Начало славянофильского течения на белорусских землях связано с творческой деятельностью белорусского православного публициста К. А. Говорского в конце 1850-х гг. в «Витебских губернских ведомостях», в 1860-х гг. в киевском журнале «Вестник Юго-Западной и Западной России», в виленском «Вестнике Западной России». Глубокие философские противоречия затрагивали выходящую за рамки дискуссии между западниками и славянофилами проблематику соотношения материального и духовного, веры и разума, церкви и государства, религии и философии, традиции и прогресса [3], т. е. они отражали культурологические противоречия, в основе которых разные системы ценностей. Данные противоречия наглядно отразились в так называемом западноруссизме.

Появление *западноруссизма* как системообразующего фактора формирования единого информационного пространства Северо-Западного края *сопровождалось выявлением противоречий на различных информационных уровнях в информационном пространстве западных губерний России*. Противоречия отразили многогранный политический, религиозный, культурный конфликт между Россией и Польшей в XIX в., что подтверждают проанализированные нами многочисленные исторические публикации западнорусса К. А. Говорского. Мы пришли к выводу, что мировоззренческие установки западноруссов соответствовали архетипу мировой культуры «Запад», но были антагонистичными польской национальной идеи. Западноруссизм как общественно-политическое течение Северо-Западного края имел глубокие исторические корни, был связан с *духовной и материальной культурой белорусов, литовцев и других этнических сообществ*, с существованием православия и униатства на белорусских землях. В XIX в. информационные потоки западноруссов формировались на официальном уровне регионального информационного пространства Северо-Западного края, западноруссы поддерживали реакционную политику и социальные преобразования генерал-губернатора М. Н. Муравьева, его единомышленников в борьбе с католицизмом и польским национально-освободительным движением. Это не соответствовало тому ин-

формационному уровню в информационном пространстве Северо-Западного края, в котором поляки, литовцы, белорусы и другие культурные сообщества долгое время рассматривались как единое социокультурное образование.

Белорусский учёный и политический деятель начала XX в. А. И. Цвикевич в книге «Западноруссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзскай мыслі на Беларусі ў XIX – пачатку XX в.» связывает возникновение западноруссизма на белорусских землях с *расколом в униицкой церкви* 1720 г. после Замойского собора [4, с. 8], что позволяет говорить о тенденции к формированию западноруссизма на неофициальном уровне информационного пространства России ещё в XVIII в., о наличии на микроуровне информационный системы Российского пространства диссипативных процессов и аттракторов для возникновения будущих социокультурных структур в рамках православной и униатской церкви. На основе классового подхода А. И. Цвикевич выделял два класса белорусской интеллигенции середины XIX в.: 1) крупнопомещичья «белорусская интеллигенция *польской культуры*»; 2) мелкобуржуазная и средняя «краевая православная белорусская интеллигенция». Последний класс представлял «*западнорусскую школу*»: «мелкие чиновники, учителя сельских и городских школ и гимназий, мелкая местная администрация, начиная от волосного писаря и заканчивая посредником и делопроизводителем, православное духовенство, мещане» [4, с. 89-90]. Именно они составляли собственно белорусскую новую разнородную интеллигенцию XIX в. «Западнорусская школа» в Северо-Западном крае проводила в жизнь *идеи народников* во второй половине XIX в., формируя информационное пространство белорусской культуры; из этого слоя «выросла» будущая белорусская национальная интеллигенция XX в. Они расширяли *белорусскую идентификацию на микроуровне (личности) и макроуровне (общества)* одновременно, формируя единый информационный уровень на основе белорусской идеи (информационной причинности) в информационном пространстве Северо-Западного края. В среде народников с середины 1870-х гг. формировались социал-демократические и революционные течения, постепенно «уступая место марксизму» национальное белорусское движение поставило в начале XX в. цель – создание независимой Беларуси в её этнографических границах.

На наш взгляд, для западноруссизма XIX в. были характерны *интернационализм* – единство всех народов западного края Россий-

ской империи и законопослушность; западноруссы всегда оставались на стороне официальной политики.

Западноруссизм и славянофильство являлись структурообразующими факторами формирования единого белорусско-российского информационного пространства. В нем информационные потоки и барьеры формировали первоначально контрастно противопоставленные друг другу *официальный и неофициальный уровни*, что объясняется сменой государственной системы управления, традиционным господством на белорусских и литовских землях польской (неофициальной) культуры с одной стороны, и претензиями на такое господство русской (официальной культуры), с другой стороны. Официальные и неофициальные информационные потоки формировали противоборствующие общественно-политические течения в информационном пространстве края. Они выявились на макроуровне информационного пространства Северо-Западного края XIX в. в военно-политических международных конфликтах, в национально освободительном движении, в крестьянском и рабочем движении, в народничестве, в формировании в конце XIX в. политических партий и нелегальных организаций белорусского национального движения.

В информационном пространстве Северо-Западного края самые мощные информационные потоки отражали политические и государственные интересы России и Польши, разворачиваясь на двух основных информационных уровнях. На официальном уровне проводилась *русификация*, распространялась «теория официальной народности» и идея славянской единства, возрождалось православие, во всех сферах жизни людей создавались условия для единства информационно-коммуникативной системы России и на основе русификации. На неофициальном уровне традиционно преобладала *польская католическая культура*, распространялись идеи польского национально-освободительного движения, на белорусских землях «в общественной и культурной жизни вплоть до подавления восстания 1863-1864 гг. господствовал польский язык. В информационном пространстве края было ярко выражено масштабное политическое и социокультурное *русско-польское противостояние*, которое нашло отражение как на микро-, так и на макроуровнях информационной системы Северо-Западного края, не имеющей до конца 1862 г. единого координирующего центра.

В первой половине XIX в. роль координационного центра в процессе планомерного создания единого российско-белорусского

информационного уровня выполнял Санкт-Петербург. В ведении Санкт-Петербургского учебного округа находились учебные заведения Витебской и Могилёвской губерний в 1824-1829 гг., 1850-1863 гг. В Санкт-Петербурге размещалось Министерство народного просвещения, в прямом подчинении которого был Белорусский учебный округ в 1829-1850 гг. Императорская академия наук, Главное управление духовных дел иностранных вероисповеданий, Греко-униатская (белорусско-литовская) духовная коллегия Римско-католическая духовная академия (с 1842 г.) и другие значимые для политической, социальной и культурной жизни белорусских людей центры, повлиявшие на укрепление белорусско-российских межрегиональных контактов. С 1838 г. в Северо-Западном крае складывается сеть официальной губернской прессы. Так, здесь были созданы русскоязычные «Губернские ведомости» в пяти губернских центрах: Витебск, Могилёв, Минск, Гродно и Вильно; «Ковенские губернские ведомости» издавались с 1843 г. С возникновением в русскоязычной системе официальной губернской прессы в информационном пространстве Северо-Западного края появилась новая централизованная структура, на официальном уровне регулирующая и отражающая информационно-коммуникативные процессы в крае, постепенно трансформирующая традиционную систему коммуникации социума. Общими чертами, характерными для всех губернских провинциальных изданий Северо-Западного края, были:

- тип казённой/официальной устойчивой печати, который может рассматриваться в качестве верифицируемого исторического источника информации;

- наличие в ведомостях двух редакций и отличающихся друг от друга частей – официальной и неофициальной, что свидетельствует о параллельном существовании самостоятельных изданий, между которыми наблюдалась сложная взаимосвязь: обладая относительной самостоятельностью, они подчинялись одной канцелярии губернского правления;

- на страницах официальной части ведомостей информация местного значения могла преобладать над общезначимой информацией для империи и наоборот; неофициальная часть издания полностью была посвящена региональной тематике, отражала информационные процессы на неофициальном уровне;

- редакция неофициальной части «Губернских ведомостей» концентрировала творческую интеллигенцию региона, их деятельность

оказала влияние на формирование региональной сети частных легальных (неофициальных) газет в губернии в конце XIX – начале XX в.:

- во всех губернских центрах края традиционно действовали типографии, печатались книги и брошюры, а центром журналистской деятельности долгое время был город Вильно.

При информационном подходе к анализу губернской прессы каждое издание можно рассматривать как макрознак на метауровне исследования информационного пространства культуры. Информацию официальной и неофициальной частей ведомостей можно оценивать как *вертикальные и горизонтальные информационные потоки*, соответствующие процессам гетеро- и автокатализа, причем официальная часть ведомостей также отражала информационные процессы автокатализа, здесь со второй половины XIX в. наблюдалась тенденция к преобладанию информации внутреннего характера. Если официальная информация ведомостей свидетельствовала о централизованном руководстве губернскими правлениями, о наличии отлаженных информационных потоков в информационном пространстве Российской империи, то неофициальная часть – о создании информационного пространства своего региона. Обе редакции – официальной части и неофициальной части – являлись коммуникационными каналами и средством сбора, накопления, сохранения и распространения информации, могут рассматриваться как самостоятельные информационные системы или подсистемы, отражающие взаимодействие официального и неофициального мнения в информационном пространстве края.

Таким образом, есть основания утверждать, что для различных информационных течений в информационном пространстве России (западничество, западноруссизм, славянофильство, славянское единство, «теория официальной народности», народничество) характерна *тенденция к внутреннему единству и преемственности, которые проявляются в трансформации главных идей при устранении пространственно-временной разорванности*. Социокультурная ситуация начала XXI в. определенным образом отражает процессы, происходившие на белорусско-российском пространстве 100 лет назад. Снова народы Беларуси и России стоят перед выбором пути развития, форм взаимоотношений и взаимодействий, создания единого информационного пространства. Идеи западноруссизма и славянофилов сегодня снова интерпретируются в современном контексте.

Список литературы

1. Иконникова С. Н. История культурологических теорий. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2005. – 474 с.
2. Пыпин А. Н. Белоруссия и Сибирь // История русской этнографии : в 4 т. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. – Т. 4. – 253 с.
3. Соловьев В. Западники, западничество // Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андриевского и др. – СПб., 1894. – Т. XII. – С. 243-244.
4. Цьвікевіч А. Западнорусізм: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
5. Чаадаев П. Я. Философские письма // Полн. собр. соч. и избр. письма : в 2 т. – Наука, 1991. – Т. 1. – С. 320-440.

© Смолик А. Н., 2013